

*«Надежда — невидимое богатство,
несомненное владение сокровищем
прежде получения сокровища».*

Иоанн Лествичник

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дверь распахнулась так внезапно, что Гримберт не успел даже отнять от нее кулака. Напряженные для очередного удара пальцы ощутили перед собой пустоту, и в этой пустоте, как в вакуумном пространстве, он отчетливо ощутил тревожное биение собственного сердца.

Раньше ему редко приходилось самому касаться дверной рукоятки — к тому моменту, когда он подходил, та уже оказывалась услужливо распахнута рукой слуги или оруженосца.

— Ну, ты, бездельник! — спросил человек, открывший дверь. — Чего скребешься поутру? Почто мешаешь спать честному христианину?

Голос у него был тяжелый и грубый, немного скрипящий, под стать самой двери. Но если дверь Гримберт успел ощупать, ощутив пальцами грубо сбитые доски, по части внешности хозяина дома ему оставалось только догадываться.

— Доброго дня, хозяин, — громко произнес он, обращаясь к тому месту, где должна была находиться голова собеседника. — Да принесут ангелы Господни радость под сень этого дома!

Радостью под сенью этого дома не пахло, это он ощутил сразу же, едва лишь распахнулась дверь. Пахло затхлостью, сырым углем, конским навозом и жухлым се-

ном. Словом, почти так же, как в любом доме Бра. Разве что в этот раз к запаху примешивался тонкий аромат винной кислоты — привкус чужой брезгливости.

— Пусть приносят, главное, чтоб под дверь не насрали. Я что, похож на человека, подающего милостыню?

Гримберт ощутил облегчение — этот голос он узнал сразу же. Скрипучий, недобрый, он напоминал рокот старого двигателя, который отработал много лет без перерыва, но который еще каким-то образом продолжает работать, несмотря на ржавчину и износ. Даже легкая напевность, которую Гримберт машинально определил как иберийский акцент, не придавала этому голосу мелодичности.

— Черт, да ты слепой... — к раздражению прибавилась легкая досада. — Все равно не подаю. Катись лучше к собору Святого Филиппа, может, заработаешь пару грошей. Только лучше бы тебе успеть до конца утренней службы, а то больно уж много вашей публики на паперти. Уж чего-чего, а калек в этом городе хватает...

Чувствовалось, что хозяин крепко не в духе, говорил он сквозь зубы, а свет новорожденного дня, который Гримберт ощущал на лице теплым медяком, дарил ему не столько радость, сколько головную боль. Скорее всего, лишний кувшин вина, опрокинутый им вчера в трактире, не пошел во благо.

Гримберт машинально коснулся свободной рукой, в которой не держал клюку, лица. Проклятый жест, от которого ему не удалось избавиться за долгое время. Пальцы коснулись заскорузлой тряпицы, намотанной вокруг глаз.

— Я не прошу милостыню, — смиренно произнес Гримберт. — Ты ведь Берхард Однорукий?

Еще несколько секунд тишины. Каждая из которых показалась Гримберту тяжелым жерновом, дробящим его кости. От этого ожидания отчаянно зудели воспаленные швы под робой, заставляя его крепко стискивать зубы.

— А тебе-то что?

Гримберт улыбнулся. Еще на рассвете он умылся из придорожной канавы и натер зубы песком, чтобы сделать улыбку хоть сколько-нибудь привлекательной. Не самое простое занятие, когда лишен возможности увидеть свое отражение, но он надеялся, что это сделало его лицо, покрытое уличной пылью, хоть сколько-нибудь заслуживающим доверия.

— Если ты Берхард, я хочу предложить тебе сделку. Выгодную сделку.

Берхард высморкался звучно и обстоятельно.

— Сделка? — судя по влажному шлепку, плевок угодил в локте от ног Гримберта. — Какой мне прок от сделки со слепым, скажи на милость? Будешь высматривать, с какой стороны встает солнце? Может, мне еще нанять безногого, чтоб бегал для меня за водой?

Немолод, машинально отметил Гримберт. Немолод и невоспитан. Добродетели в нем не больше, чем в голодной крысе, подбирающейся к рассеченному животу умирающего. Таких пруд пруди в любом городе, и Бра не исключение. Проклятая уличная порода. Проклятый город.

Словно уловив его мысль, город будто в насмешку издал новую порцию вибраций, подтверждающих, что в его каменных недрах, необъятных, как у библейского чудовища, уже зарождается свежая утренняя жизнь, сбрасывая с себя ночное оцепенение. Гримберт не мог

видеть его обличья, но обоняние и слух фиксировали все эти бесчисленные сигналы, вызывавшие в его теле подобие болезненной судороги.

Звон конских подков по щербатой мостовой. Треск старых дверей. Скрип телеги угольщика. Залихватский мальчишечий свист. Протяжное хлопанье ставен. Сонные, наспех брошенные ругательства. Куриное кудахтанье. Звон кочерги в печи. Звон разбитого стекла. Хриплый петушиный возглас.

Бра просыпался, гремя на тысячи голосов, скрипя, ворча, кляня жизнь, треща старыми дверями, звеня колодезными цепями, стряхивая с крыш жухлую солому, грохоча сапогами и наполняя улицы колючим людским гомоном, перед которым Гримберт ощущал себя особенно незащитным.

— Мне не нужны деньги, — произнес он. — Напротив. Это я готов заплатить тебе.

Человек, которого звали Берхардом, судя по всему, не был самым большим умником в Бра. Гримберту показалось, что он слышит скрип тяжеловесных шестерен в голове у собеседника. Шестерен более старых, чем ратуша этого жалкого городишки.

— Заплатить мне? Это за что же ты хочешь мне заплатить, слепец?

Нужные слова были заготовлены загодя и ждали своей очереди, как снаряды в боеукладке. Но, прикоснувшись к ним, Гримберт ощутил под языком кислый металлический привкус. Обратного пути не будет, господин маркграф. Ты знал это еще до того, как твой кулак коснулся двери.

— Мне нужен человек, который отведет меня к Бледному Пальцу, — твердо произнес он. — Говорят, ты хо-

рошо знаешь Альбы. Я готов нанять тебя в качестве проводника.

По заведенной издавна традиции туринские палачи, завязав жертве глаза и уложив ее голову на плаху, не сразу обрушивали на ее шею удар топора. Они нарочно долго проверяли оружие, без всякой необходимости подтачивали лезвие и совершали множество бессмысленных с точки зрения собравшейся публики действий. Они знали то, что испокон веков знают люди их профессии — ожидание может быть мучительнее, чем самый изощренный мастер пыточных дел. К тому моменту, когда топор наконец был занесен, многие несчастные успевали обмочиться от страха или поседеть на глазах у собравшихся.

Теперь Гримберт знал, каково это. Каково скорчиться в полной темноте, ощущая на глазах плотную повязку, и с замиранием сердца считать секунды, не зная, что тебя ждет — резкий свист отточенного до желтизны лезвия или топот шагов глашатая, спешащего огласить указ о помиловании. Гримберт мрачно подумал о том, что в его случае глашатай едва ли пригодится. Даже если с его глаз сорвут повязку, в окружающем мире от этого светлее не станет. Этот мир был погружен в темноту уже навсегда.

— Я что, похож на поводыря? — раздраженно рыкнул Берхард.

— Ты похож на человека, который хорошо знает Альбы.

— Вот именно, дурак ты набитый. Будь у меня железные сапоги, я бы их уже трижды стоптал об эти чертовы камни!.. Но я еще не выжил из ума, чтобы тянуть в горы слепого!

— Я слышал, ты лучший гонец в Бра. Знаешь каждую складку и каждый камень. За день можешь доставить письмо из Тестико в Вазию. Мне нужен именно такой человек, чтоб добраться до Бледного Пальца. И я готов заплатить. Семьдесят полновесных денье имперской чеканки.

* * *

Он на ощупь достал несколько щербатых монет и покрутил в пальцах. Прохладное серебро приятно охладило внезапно вспотевшую ладонь.

Берхард долго молчал. Гримберт напряженно слушал его хрипкое дыхание, пытаясь понять, о чем тот думает. Судя по голосу, этот человек немолод. В Бра не так много фабрик, как в прочих городах Салуццо, оттого воздух относительно чист, иногда на здешних улицах можно встретить даже пятидесятилетних стариков. Сколько ему? Сорок? Сорок пять? Не тот возраст, когда серебро туманит разум. К тому же жадные люди редко возвращаются из Альб живыми. Нет, алчность — едва ли та наживка, на которую надо ловить этого мерзавца. Гримберт стиснул зубы. В его арсенале других сейчас не было.

— Ты когда-нибудь был в Альбах?

Вопрос был задан холодно, без любопытства.

— Что?

— Был когда-нибудь в здешних горах?

«Да, — хотел было сказать Гримберт. — Иногда мы с загонщиками отправлялись в предгорья Альб, чтоб затравить пещерного медведя или перехватить шайку контрабандистов, шныряющих горными тропами на границе Туринской марки».

Хорошее было время, веселое время. С контрабандистов сквайры заживо срезали кожу и прибавляли ее к

окрестным деревьям. Окрестные рыцари шутливо называли такие «Туринскими указателями».

— Нет, — смиренно ответил Гримберт. — Не приходилось.

Берхард презрительно фыркнул, и звук получился сухой, почти металлический.

— Эти горы убили больше народу, чем три последние войны и Железная Ярмарка. Они не любят дураков. А я буду крошечным дураком, если сунусь туда, да еще и со слепым на поводке. Да ты разобьешь себе голову о первый же столб, не дойдя до городских ворот!

— Я не стану обузой. — Гримберт позволил себе немного повысить голос: — У меня нет глаз, это верно, но голова как будто на месте.

— В таком случае ты сообразишь, как побыстрее убраться с моего порога.

Дверь захлопнулась с гулким деревянным стуком, похожим на тот звук, который при резком смыкании издает крышка гроба. Гримберт подался было вперед, рефлексивно пытаясь задержать ее свободной от клюки рукой, но потерял равновесие, споткнувшись о булыжник, и едва не упал. Обступившая его темнота гадливо засмеялась, сквозь этот смех лязг задвигающегося засова показался еще более тягостным звуком.

Вот и все. В теле вдруг закончились силы. Вытекли, как вода из треснувшего кувшина. Ноги загудели, будто им уже пришлось пройти сотни миль по острому горному камню, все сухожилия обмякли, перестав удерживать члены. В груди затрещали неправильно сросшиеся ребра, полыхнул огненной рекой растянувшийся на боку рубец.

«Болван. Болван. Проклятый болван».

Гримберт тяжело опустился на мостовую возле двери, пытаясь унять разыгравшееся сердцебиение и расслабить сведенные судорогой пальцы. Как обычно в такие моменты, вспыхнула сводящая с ума резь в глазницах, как будто там еще оставалось что-то, что могло болеть. Темнота заплясала вокруг, вызывая мучительное головокружение и слабость.

Гримберт изо всех сил стиснул деревянную рукоять своей клюки. Справиться с болью было непросто, однако возможно. Слабость тоже рано или поздно отступала — тело, хоть и порядком потрепанное, все еще было достаточно молодо, чтобы восстановить силы. Но против самого страшного своего противника, против темноты, он был бессилён.

Темнота была всевластна. Он не мог прогнать ее ни на миг, даже если бы поднес к лицу пылающий факел. Она не отступала, как трусливая ночь на рассвете, едва лишь заслышав крик петуха. Она утвердилась подобно тирану, окутав собой и поглотив все то, что было ему прежде знакомо. Предметы, которых он касался, состояли из темноты. Земля, по которой он шел, была темной. Люди, голоса которых он время от времени слышал, тоже были лишь сгустками темноты.

Самыми страшными были первые дни, когда он только учился осознавать это. Что темнота, окутавшая все вокруг, это не чудовище, вторгшееся в привычный ему мир. Отныне темнота — это и есть его новый мир.

«Спокойно, — приказал он себе. — Спокойно, ты, жалкое дрожащее отродье. Если бы ты отступал всякий раз, когда судьба подкидывала тебе подлость, ты бы и пятился всю жизнь, как речной рак».

Мысленно досчитав до ста и убедившись, что сердцебиение улеглось, Гримберт на ощупь уселся неподалеку от двери, устроился поудобнее на теплом камне и вытянул перед собой собранные горстью ладони.

Если вечная ночь и была способна чему-то научить, так это терпению.

* * *

К полудню ему удалось набрать лишь четыре обола — жалкая цена за долгие часы, проведенные под светом яростного осеннего солнца, норовящего сжечь кожу даже сквозь тряпье на лице.

Возможно, этот Берхард был прав, мрачно подумал Гримберт, ощупывая пальцем сложный герб маркграфства Салуццо на теплом профиле монеты. Возможно, ему в самом деле стоило отправиться к собору Святого Филиппа. После утренней службы народ благодушен и куда охотнее делится медью, имея талант и такт, можно заработать до двух дюжин оболов. А это уже двенадцать денье по здешним меркам или целый гросс серебром.

Явите жалость к несчастному калеке, глаза которому выкололи мавры, но который по-прежнему взирает на мир с христианским смирением!..

С другой стороны... Гримберт зло хрустнул костяшками пальцев. С другой стороны, вместо горсти меди он мог получить кое-что иное. Сломанную руку или выбитые зубы. Несмотря на то, что Железная Ярмарка не собрала в тихом провинциальном Бра той жатвы, которую собрала во всем маркграфстве Салуццо, количество калек в городе было таково, что паперть перед собором Святого Филиппа нередко превращалась в поле настоящей битвы между увечными и калеками всех мастей.

Безрукие, безногие, истекающие гноем, с разбухшими чреслами и изувеченными лицами, они стекались к утренней службе подобно саранче, перекрывая проповедь священника своим злым клетотом. Соберись они все разом, уже могли бы идти маршем на Аахен — если бы только эта армия увечных смогла прошагать хотя бы арпан¹ в едином направлении...

Гримберт старался держаться подальше от прочих. Слепой человек в драке столь же беспомощен, как набитое тряпьем чучело против боевого рыцарского доспеха, это он уже успел понять на своей шкуре. Если в Бра и были существа более беззащитные, чем он сам, так это химеры, но Гримберт скорее лишился бы второго легкого, чем вступил бы с ними в потасовку — одна мысль о прикосновении к химерам вызывала ужас.

Химеры никогда не толпились на паперти, клянча свою порцию меди. Их тела были слишком слабы для этого. Днем они прятались от жгучего солнца в погребках и подворотнях, чтобы вечером выползти на улицы, пугая прохожих монотонными стонами и испуская такие богохульства, что прочь бежали, подобрав рясы, даже церковные служки. И хоть Гримберт не видел их воочию, он машинально стремился убраться подальше, если слышал приближение химеры.

Услышав далекий колокольный звон, возвещающий обедню, Гримберт спрятал собранную медь в потайной карман на своей ветхой робе и на ощупь достал из котомки снесь — четвертушку ржаного хлеба. Хлеб был сухой, ломкий, как алебастр, наполовину состоящий

¹ Арпан — средневековая мера длины, равная примерно 58,5 м.

из прогорклой целлюлозы, но Гримберт держал его крепко, как золотой слиток. Вырвать у слепого хлеб — тяжелый грех, но каждый бездомный знает, что голод куда как тяжелее.

Ел он медленно, экономя силы даже во время трапезы. Хлеб он отламывал маленькими кусками и отправлял в рот, позволяя тому пропитаться слюной и разжевывая до тех пор, пока жесткое крошево не таяло на языке, оставляя в желудке приятную сосущую тяжесть. Если Господь милостив, сегодня ему удастся найти на рынке пару гнилых картошек или брюкву. Если нет, остается шанс украсть горсть овса у лошадей возле трактира, размочить и съесть перед сном. Но Гримберт знал, что не пойдет ни к рынку, ни к конюшням. Сейчас у него была более важная забота, по сравнению с которой мерк даже голод.

Но как бы он ни был поглощен едой, скрип двери он расслышал совершенно отчетливо.

— Фурункул Святого Агриция! Какого дьявола ты околачиваешься возле моей двери?

— Жду, — покорно ответил Гримберт, пряча хлебную корку в рукав. — Мое предложение все еще в силе. Семьдесят денье серебром за то, чтоб ты отвел меня к Бледному Пальцу.

— Семь десятков денье, значит? То есть, выходит, один лиард с лишком?

— Один тройной денье, — подтвердил Гримберт, — И две монеты сверху. Ну как?

Со скрягами проще всего. Отблеск серебра туманит их мозг, смущает мысли, гипнотизирует волю. Однако он вынужден был признать, что этот Берхард, кем бы он ни был, не походил на скрягу. Нет, он определенно был

прижимист и хорошо знал цену деньгам, как вся чернь на юге, однако в его голосе Гримберт не ощущал той алчности, на которой можно было сыграть. Осторожность в нем явно возобладала над жадностью, и неудивительно. Иные, должно быть, в Альбах и не выживают.

— Хочешь заключить со мной сделку? — хрипло осведомился Берхард. — Изволь. Могу пернуть тебе под нос, это будет стоить как раз семьдесят монет. И еще дам обол сдачи.

Он рассмеялся, искренне и протяжно, как полагается смеяться над славной изобретательной шуткой.

Гримберт стиснул зубы.

— Может, это и не сказочное богатство, но...

— Это не сказочное богатство, это горсть крысиного дерьма. За один удачный поход через Альбы я получаю полтора ливра.

Полтора ливра?.. Гримберт мгновенно перевел золото в серебро, сделав несколько нехитрых вычислений. Триста шестьдесят денье? За один поход? Черт побери, если это было правдой, та сумма, те семьдесят монет, что он предлагал, и в самом деле выглядели жалким подношением.

Жалким, как он сам — скребущийся в чужую дверь калека.

Нет, наверняка это ложь. Полновесный ливр за прогулку по горам?.. Зарабатывай Берхард своим ремеслом столько, давно перебрался бы в хижину получше, со стенами из настоящего гранита, а не скверного южного мергеля¹.

Ничего из этого Гримберт вслух не сказал.

¹ Мергель — горная порода.

Единственным, что подпитывало его измученное, замерзшее и истощенное тело, был огонек надежды в груди, похожий на пламя лампадки. Но этот крохотный огонек сейчас давал ему больше энергии, чем термоядерный реактор сверхтяжелого рыцарского доспеха.

— От тебя смердит, как от падали, — с нескрываемым отвращением произнес Берхард. — Глади мне, будешь наседать — не посмотрю, что слепой, отделаю так, что и на сангвинарную фабрику не примут!

Гримберту потребовалась вся выдержка, чтобы не ответить дерзостью и сохранить почтительную позу. Может, этот Берхард и не большого ума, но он несколько лет возвращался живым из Альб, а это уже говорит о нем больше, чем любые титулы и звания.

— Избей меня, если хочешь. Но это ничего не изменит. Мне нужно к Бледному Пальцу.

Берхард сквозь зубы процедил короткое богохульство, недостаточно опасное, чтобы заработать Печать Покаяния, но вполне весомое, чтобы принести господину Безрукому серьезные неприятности, услышь его священник. Впрочем, Гримберт сомневался, что Святой Престол сильно озабочен своей паствой в Бра. В этом маленьком городке, примостившемся в предгорьях Альб, была всего одна церковь — еще одно подтверждение его удаленности от столицы маркграфства Салуццо.

— Что тебе до Бледного Пальца? — спросил он жестко. — Отвечай, увечный, или я не посмотрю на твою поганую морду и навешаю тумачков так, что всех святых вспомнишь!

Инстинкт самосохранения, похожий на воющую внутри кокпита сирену разгерметизации, требовал

осторожности. Но Гримберт знал, что есть тактические ситуации, в которых уклонение лишь затягивает неизбежное. Когда на твой доспех обрушивается гибельный кинжальный огонь, отступление может быть фатальным. Нельзя подставлять уязвимые места брони. В такой ситуации единственный шанс победить — развернуться к врагу лицом и атаковать, используя всю доступную огневую мощь.

Гримберт сделал короткий выдох. У него больше не было орудий, не было многотонной машины, способной сминать стены. Но было то, что вело стального воина в бой.

— Мне надо то, что ты нашел у Бледного Пальца.

Берхард тяжело засопел.

— Это откуда же ты знаешь, что я там нашел, шельмец?

Еще два коротких выдоха, чтоб унять накотившую дрожь.

— Подслушал в трактире. Во «Вдове палача» два дня назад.

* * *

В животе образовалось на редкость гнетущее чувство. Даже вздумай он отшвырнуть клюку и пройтись по вершине городской стены, это и то не было бы вполнину опасным, как этот трюк.

Берхард заворчал, как ощерившийся уличный пес.

— Что-что?

Гримберт понял, что запас отпущенного ему времени совсем не так велик. А может даже, уже истёк до капли.

— Не специально, так уж вышло, — поспешно произнес он. — Вы с приятелями пили там вино, кто-то из